

## Вирусное мышление в сумерках ценностей

*Джозеф Дж. Тэйнк*

*Department of Critical Studies, California College of the Arts  
1111 Eighth Street, San Francisco, California 94107-2247*

Несмотря на то, что современная патология учит нас о физическом теле, мы не уделяем должного внимания телу социальному.

Ж. Бодрийяр<sup>1</sup>

### I

Должен признаться, что я никогда не был систематическим читателем Бодрийяра, однако меня всегда очаровывали противоречивые импульсы его мысли. Разве не проблематичен дискурс, который, принимая время от времени характер реалистической эпистемологии, утверждает, что реальности больше нет? Каким образом, хочется спросить, можно диагностировать реальные процессы, работая над уничтожением реальности? Нельзя ли вписать Бодрийяра в те уличные нью-йоркские граффити, на которые он сам указывал? Текст должен выглядеть так: «Ни в чём нельзя быть уверенным». А ниже: «Вы уверены?»<sup>2</sup>. За этими бросающимися в глаза противоречиями, головокружительностью его провокаций/заявлений и его внимательностью к противоположностям я всегда замечал некое подмигивание, жест, указывающий, что вместе мы можем узнать, что такое гиперреальность (или что она не есть?), а значит, избежать её соблазнов. Даже если мы не всегда можем локализовать это текстуально, разве не имеем мы дело с чем-то вроде этики Бодрийяра? Мне представляется, что здесь присутствует тот этический элемент, который приводит в бешенство его хулителей: его соблазны имеют силу «голоса совести», осуждающего самые пагубные аспекты гиперреальности, даже если он утверждает конец традиционных моральных и политических категорий. Иными словами, его исследования говорят читателю о следствиях нравственного произвола, царящего в реальности, хотя знать о них наверняка и нельзя, и предупреждают нас о том, что этико-критические позиции стали симулякрами, к которым мы ностальгически обращаемся.

Выпад Карлина Романо, напечатанный в «Chronicle of Higher Education» вскоре после смерти Бодрийяра, в этом отношении можно назвать образцовым. Романо акцентирует противоречия, которыми грешил покойный, сыплет обычными проклятиями в адрес того, кто посмел напасть на священных коров — Маркса и Фрейда, — сетует на трудность бодрийяровой прозы, непрозрачность его языка и смутность его идей. Романо кажется себе очень умным, когда разоблачает лицемерие Бодрийяра, который, с одной стороны, был анти-американским мыслителем, а с другой — полу-

---

© Joseph J. Tanke, 2009.

© А.В. Дьяков, перевод, 2009.

<sup>1</sup> Baudrillard J. A Conjuraton of Imbeciles // The Conspiracy of Art. Ed. S. Lotringer. N.Y.: Semiotext(e), 2005. P. 34.

<sup>2</sup> Baudrillard J. The Double Extermination // Screened Out. Trans. Ch. Turner. N.Y.: Verso, 2002. P. 111.

чал «оплаченные поездки, гонорары, приглашения прочесть лекции, делая визиты и подписывая контракты на публикации», совершенно превратно толкуя отношения Бодрийера с Соединёнными Штатами<sup>1</sup>. Бодрийер: «Я никогда не прощу никого, кто допускает снисходительные или высокомерные суждения об Америке»<sup>2</sup>.

Наибольшее презрение в отношении Романо вызывает то обстоятельство, что он ни в чём не соглашается с позициями Бодрийера, будь то гиперболизированные заявления, к которым тот был склонен, или же серьёзные моральные утверждения, которыми он привлекает наше внимание. Критикуя в самых непристойных выражениях «Дух терроризма», идеи которого во многом уже утратили свою новизну, Романо пропускает мимо ушей нравственные аспекты его анализа: «Терроризм immoralен, это ответ глобализации, которая и сама immoralна». Куда легче бездумно пролистать Бодрийера, нежели задуматься над поднимаемыми им темами асимметрии глобализации и ксенофобии Запада, непримиримым критиком которой он был.

То, что я называю «косвенной этикой» Бодрийера, ярче всего проявилось в коротких, но очень острых фрагментах, которые он публиковал на страницах «Libération». Эти тексты следует воспринимать как терапевтические вмешательства, спасающие нас, причём буквально, от нас самих, т.е. от нашей очарованности Тождественным, от нашего неприятия чужого, ведущего к иммунодефициту. Хотя в определённых кругах принято сводить его творчество к так называемому постструктурализму, не стоит забывать, что именно Бодрийер учил нас мыслить, презирать и, быть может, бороться с вирусной властью медиа и нашим собственным иммунодефицитом. В инвокациях виральности и вирулентности, населяющих поздние тексты Бодрийера, нетрудно увидеть практику, направленную на исцеление социального тела посредством инъекций инаковости, т.е. мысли, необходимой для социального здоровья. Его творчество замечательно тем, что предлагает новые формы теоретической практики, утверждая, что письмо при должных усилиях может стать силой. В этом отношении можно сказать, что Бодрийер следует за такими мыслителями, как Фуко и Делёз, которые, в силу различных историко-эпистемологических соображений, пришли к выводу о необходимости отказаться от традиционной концепции интеллектуального труда, предполагающей разделение теории и практики. Для Бодрийера это значило переосмыслить теоретическую деятельность в свете развития консюмеристского капитализма во второй половине XX столетия. Он стремился показать, что теория не была мёртворожденной, то есть не сводилась к симулякрам. Он искал такую форму причастности, которую можно было бы конституировать по ту сторону реальности, какой она нам дана, которая могла бы стать критикой, достойной этого имени. Его представление об исторической прецессии симулякров общеизвестно, так что я не буду повторять его здесь; однако вкратце нужно сказать о его концепции симуляции, о принципах гиперреальности, а затем и о его отказе от теории третьего порядка симулякров в пользу вирусной концепции реальности. Это позволит нам говорить о теоретико-практическом основании современной конфронтации в терминах виральности.

---

<sup>1</sup> Romano C. The Death of Jean Baudrillard Did Happen // The Chronicle of Higher Education. 2007. № 23. Sec B9.

<sup>2</sup> Baudrillard J. Cool Memories (1980-1985). Trans. Ch. Turner. N.Y.: Verso, 1990. P. 209.

## II

При переходе от социологии потребительской культуры к гомеопатической патфизике разрыв с Марксом был неизбежен. В «Зеркале производства» Бодрийяр определил своё отношение к социологии культуры: он показал, как дискурс, представляющийся критическим, на деле подчинён высшей системе ценностей. Другими словами, он показал, как иллюзия критики встраивается в оптимальное функционирование самой системы. Этот анализ общеизвестен: категории, при помощи которых Маркс рассчитывал произвести подрыв политической экономии — стоимость, рабочая сила, а также эссенциалистские представления о природе человека, — оказались симуляциями, порождаемыми кодом самой политической экономии. Пользуясь языком виральности, Бодрийяр поясняет: «Эти впечатляющие метафоры доминирующей над нами системы — басни политической экономии, пересказываемые целыми поколениями революционеров, заражённых в своём политическом радикализме концептуальными вирусами той самой политической экономии»<sup>1</sup>. Успех марксизма, по Бодрийяру, является одной из самых больших насмешек истории, где революция, вместо того чтобы подтвердить её историческую истину, разлагает её изнутри.

Эта революция — конечно, революция структурной ценности, процесс, в котором референциальная ценность знака аннулируется, предоставляя господствовать структурной игре ценности. Конец референции, сопутствующий структурной революции ценности, покрывается симуляцией реальности, посредством которой опыт значения преобразуется в обмен знаками. Это значит, что знаки отныне обмениваются один на другой безо всякой опоры на референт и что теперь уже не приходится говорить о производстве, труде, желании и истории кроме как о побочных продуктах, симулируемых в чистом обмене знаков. Следствием оказывается гиперреальность — ситуация, в которой реальность отменяется знаками, прежде сигнализировавшими о ней. Соответственно, гиперреальность работает согласно логике опережающей финальности, в том смысле, что «реальность» производится посредством моделей, а порядки производства и воспроизводства меняются местами. По Бодрийяру, подчинение серийного производства компьютерным банкам памяти, наряду с возможностью и дальше вытягивать «реальное» из виртуального, оказывается существенным шагом в этом процессе, где «реальное» лишено реальности как своего источника. «...Все формы меняются с того момента, когда их уже не механически воспроизводят, а изначально задумывают исходя из их воспроизводимости, из дифракции порождающего ядра-модели»<sup>2</sup>. В таком случае можно было бы сказать, что реальное для Бодрийяра — это то, что, будучи нереальным, производится в обмене знаков, чтобы быть принятым за реальное. «Мы живём в мире, где сущностная функция знака должна заставить реальность исчезнуть и в то же самое время скрыть её исчезновение»<sup>3</sup>. Реальность — это эффект реальности знака, «то, что всегда уже воспроизведено: гиперреальность»<sup>4</sup>.

Гиперреальность — это повсеместная социальная ситуация, имеющая своей целью предотвращение радикальной критики. Гиперреальность — это осуществляемая

<sup>1</sup> Baudrillard J. The Mirror of Production // Jean Baudrillard: Selected Writings. Ed. M. Poster. Stanford (Calif.): Stanford University Press, 1988. P. 99.

<sup>2</sup> Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. Пер. С.Н. Зенкина. М.: Добросвет, 2006. С. 124.

<sup>3</sup> Baudrillard J. “Lost from View” and Truly Disappeared / Screened Out. Trans. Ch. Turner. N.Y.: Verso, 2002. P. 115.

<sup>4</sup> Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. С. 151.

капиталом стратегия сдерживания, средство избежать всего, что могло бы нарушить воспроизводство статус-кво. «Речь уже не об имитации, дубликации или пародии. Скорее, речь о подмене реальности знаками реальности; другими словами, навязывание всякому реальному процессу операционального двойника, метастабильной, программируемой, совершенной дескриптивной машины, вырабатывающей все знаки реальности и приводящей к коротким замыканиям все её превратности»<sup>1</sup>. Для политической критики это оборачивается определёнными проблемами — тем головокружением, с которым Бодрийяр боролся средствами своего теоретико-стратегического подхода<sup>2</sup>. На каком основании можно предпринять критику повседневности, если само желание производится развёртыванием знаков, образов и чувствований? Как можно конституировать форму политической критики, когда противоречия системы в гиперреальности нейтрализованы? Как искусство может создавать новые ценности, если реальность превращается в эстетическую галлюцинацию? Можно подвести следующий итог творчества Бодрийяра: как можно быть «левым», если Фрейд, Маркс и авангард в гиперреальности утрачивают свою значимость?

Бодрийяр среднего периода считал, что пермутации гиперреальности обусловлены «кодом». Этот последний, пожалуй, лучше всего понимать негативно, как систему знаков, отсылающую к ушедшей эпохе индустриального производства и теориям, направленным на её критику; благодаря этому коду удаётся инфинцировать, а следовательно, обезоружить даже самые (якобы) революционные исследования изнутри. Его основная характеристика — обращение финальности; другими словами, код — это социальная и историческая программа, которая, подобно ДНК, заранее диктует условия производства, потребления и критики. Именно эта система латеральных отношений знака управляет антагонизмами, вписывая их в параметры заданных функций. Благодаря коду капитал избегает внешней критики, управляя различиями согласно производимым им категориям. Бодрийяр никогда не переставал говорить о безрассудстве борьбы с капиталом средствами иллюзорной критики, им же порождаемой, и об опасности ностальгии по устаревшим формам мышления. «Все революции наших дней привязаны к предыдущей фазе системы. Оружие каждой из них — ностальгически воскрешаемая реальность во всех ее формах...»<sup>3</sup>. Таким образом, у кода две приоритетных функции: он нейтрализует содержание, делая неопределимым различие между знаком и его означаемым; эти пустые ценности он встраивает в бинарную модель, ограничивающую их обмен заранее заданными позициями. На социальном уровне модель стимул/ответ оказывается парадигматической; «так происходит всюду, где предложение пожирает спрос, где вопрос пожирает ответ»<sup>4</sup>. Постоянной заботой Бодрийяра является проблема рекуперации, т.е. формы кооптации с системой, позволяющая выйти за пределы допустимого сопротивления, оставшись невредимым.

---

<sup>1</sup> Baudrillard J. *Simulacra and Simulations* / Jean Baudrillard: Selected Writings. P. 167.

<sup>2</sup> «В пашей системе образов и знаков исчезают все основные гуманистические критерии ценности, определявшие собой вековую культуру моральных, эстетических, практических суждений» (Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*. С. 55).

<sup>3</sup> Там же. С. 45.

<sup>4</sup> Там же. С. 133.

### III

В свете изложенного нетрудно понять, почему, согласно Бодрийяру, всякая теория критической направленности должна принадлежать к «высшему порядку». Она должна избегать иллюзий, порождаемых системой, даже если при этом теория производит свои собственные иллюзии. Доказательством её права на существование, следовательно, будет не её истинность, а её способность избегать кода и обращения к пересказам. Хотя понятие кода действительно остаётся определяющим для творчества Бодрийяра, те, кто критикует его в этом пункте, неспособны понять, что происходит это в силу необходимости. Определять код в строгих эпистемологических терминах — значит произвольно вводить реальность во всеобщую неопределённость, характерную для современного этапа обмена ценностями. Давайте не забывать о том, что сказал Бодрийяр о теоретическом предприятии и его отношениях с кодом:

Теоретическое производство, как и материальное, тоже теряет свои детерминации и начинает крутиться вхолостую, срываясь в штопор бесконечных самоотражений в стремлении к недостижимой реальности. Так мы и живем сегодня: всеобщая неразрешимость, эра плавающих теорий, вроде плавающих валют... Я хочу сказать, что сама эта неразрешимость теории является эффектом кода<sup>1</sup>.

Поэтому, по мысли Бодрийяра, пересечение теории и кода — то место, где происходят конфликты. Поскольку код антиципирует теорию, как это произошло с марксовской формулировкой потребительной стоимости, любые подходы к этим конфликтам должны иметь более высокий порядок: быть более виртуальными и бессвязными, чем сам код. Если функционирование кода, работающего беспорядочно, и можно разоблачить, то не через объективность факта, а посредством стратегии, обращающейся к логике кода и доводящей её до предела, в котором она разрушается.

Таким образом, понятие кода формирует горизонт мысли Бодрийяра в конце 1970-х — начале 1980-х гг. Таков его подход к попытке демистифицировать источник мистификации, который невозможно анализировать как реальный посредством теории, уже предстающей как неопределённая. Ему нужна стратегия, способная обратить код на самого себя, довести его до предела, а значит — заставить его показать себя. Бодрийяр приспособливает мысль Батая к своей критике: трансгрессия — это одновременно и этическая, и эпистемологическая категория, в которой пересекаются, становясь постижимы, теоретическое, этическое и политическое. Учитывая неопределённость кода, Бодрийяр в своих исследованиях пытается бороться с кодом теоретическими жестами, вынуждающими его утверждать себя во всём своём структурном насилии и тем самым раскрывать свою логику. Бодрийяр использовал много терминов для описания этого подхода — фатальные стратегии, символический обмен, теоретическое насилие, — причём, если каждый из них способен сообщить о коде нечто позитивное, то не в силу традиционной социологической работы, а благодаря ловушкам, расставленным на пути гиперреальности.

Эти исследования Бодрийяра среднего периода показывают, что его мысль всегда функционировала в режиме интервенции. И дело не в том, чтобы упиваться иллюзорной теоретической свободой, предлагаемой структурной революцией ценности; его желание, как он однажды выразился, заключалось в том, чтобы «заманить гипер-

---

<sup>1</sup> Там же. С. 55.

реальность в ловушку и умертвить её». По Бодрийяру, существует своего рода «требование обратимости» — императив, порождаемый самой системой, приближающейся к совершенной тождественности с собой и таким образом влекущую к разрушению. Если и есть какая-то надежда в закрытых системах гиперреальности, то лишь благодаря тождественности, не оставляющей ей иного выбора. Замыкание на себе, производимое кодом ДНК, неизбежно ведёт к возвращению инаковости в вирулентной форме. Это значит, как мы скоро увидим, что этот феномен, вирусы, есть необходимый побочный продукт системы, в которой всё взаимосвязано. Отвержение различия, проводимого через принятие всеобщих моделей организации и мысли, позволяет малейшему сбою в коже быстро передаваться от одного конца культуры к другому. Хотя вирусные явления вроде насилия безусловно пагубны, они дают стратегическое преимущество мыслителю, проект которого можно охарактеризовать как «теоретическое насилие»<sup>1</sup>. Даже малейшая провокация, произведённая в нужное время, позволяет поставить весь порядок знаков под вопрос. По Бодрийяру, теория принимает на себя «символическое обязательство» не-интерпретативной терапии, которая должна породить ответ кода. Как и современная медицина, она вводит определённые дозы для постановки диагноза.

#### IV

Поскольку стратегическая модель кода не соответствовала замыслу Бодрийяра, её сменила мысль о вирусе. Соответственно этому он диагностировал следующую стадию смятения культуры, в которой фундаменталистские устремления скрываются за формулами кода, между тем как борьба теории с гиперреальностью приводит к более высокому уровню ирреальности. В мысли Бодрийяра появляется неувязка, поскольку он говорил о том, что на этой четвёртой стадии ценности общие правила обмена ценностями становятся невозможны. На вирусной стадии «уже не существует соответствия чему бы то ни было. Ценность распространяется во всех направлениях, без какой-либо логики, присутствуя в каждой скважине и щели. На этой стадии не существует более равноценности, присущей другим стадиям, нет больше самого закона ценности; есть лишь нечто, похожее на эпидемию ценности, на разрастание метастазов ценности, на её распространение и рассеяние, зависящее лишь от воли случая»<sup>2</sup>. В действительности, как только знаки становятся вирусными, их уже едва ли можно назвать знаками, поскольку различий, на которых основывался их обмен, больше нет. Это сумерки ценностей: знаки больше не обмениваются, но вступают в бесконечное само-воспроизводство, само-референцию и дисперсию в сетях. Бодрийяр диагностирует «вирусное поражение детерминации» — процесс, при котором «вещи, знаки, действия освобождаются от своих идей и концепций, от сущности и ценности, от происхождения и предназначения, они вступают на путь бесконечного самовоспроизводства»<sup>3</sup>. Таково семиологическое измерение исследований вирусности, наполняющих работы Бодрийяра: инцест, клонирование, аутизм, каннибализм, так же как СПИД, терроризм, расизм и компьютерные вирусы. Этот рост патогенности вирусов как системы тяготеет к тавтологии, т.е. к совершенной самотождественности. Уроки генетики здесь также важны. Поскольку системы стирают различия, чтобы об-

<sup>1</sup> Там же. С. 342.

<sup>2</sup> Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. Пер. Л. Любарской и Е. Марковской. М.: Добросвет, КДУ, 2006. С. 10–11.

<sup>3</sup> Там же. С. 11–12.

легчить операциональность, поскольку они склонны ассимилироваться одна к другой, принимая единые модели, они становятся всё более уязвимы для вируса. Говоря в этических терминах, одиссея западной культуры с её Тождественностью привела к иммунодефициту, и теперь инфекции легко распространяются от системы к системе.

Если когда-то обмен подчинялся структурной революции ценности, то сегодня мы оказались во власти «закона смещения категорий». В этом процессе области эстетики, политики, сексуальности, различия полов и т.п. сливаются до полной неразличимости. Бодрийяр описывает вирусное просачивание концептуальных моделей из одной области в другую. Бизнес становится корпоративным, проникаясь спортивными метафорами, в то время как повседневная жизнь всё больше пропитывается языком бизнеса. Нет ничего удивительного в том, что американцы судят об атлете, компании, коммуникационной сети согласно стандартам «перформанса». Это часть вирусности: несоизмеримые области сливаются друг с другом, отливаясь в единые концептуальные формы. В результате один заражённый сектор быстро заражает другие.

Если попытаться вписать вирусную стадию в исторический нарратив, чего Бодрийяр делать отказывается, можно было бы сказать, что она явилась как результат систематического сворачивания мысли, критики и воображения, вызванного кодом. «Эти новые патологии — болезни кодификации, хвори кода и модели»<sup>1</sup>. Код, как это ни парадоксально, кладёт конец коду, поскольку тождественность, которую он насаждает, неустойчива и восприимчива к вирусной инфекции. Пытаясь редуцировать инаковость к чисто функциональным формам, код подвергается атаке самых крайних форм инаковости. Благодаря усилиям Запада произвести стерильный гиперреальный мир, в котором все следы чуждости редуцировались бы к функциональным различиям, возникает среда, в которой патогенные формы могут развиваться беспрепятственно. Согласно Бодрийяру, это общество делают больным не сами вирусы, но их мутации вкупе с обезцениванием культуры. Как известно, вирусы прекрасно себя чувствуют в стерилизованных средах, лишь незначительно затрудняящих их репликацию. Сходным образом непривычные к отражению инфекции иммунные системы способны на одну из трёх реакций: они бездействуют и не могут ответить на вторжение чужеродных агентов (иммунодефицит); они обращаются на самих себя, не будучи способны различить тело и патогенные тела (автоиммунные нарушения); или, наконец, они отвечают слишком жёстко, повреждая организм хозяина (гиперсенситивность). Эти три бедствия ведут к хаосу, который периодически грозит сокрушить наши перусложнённые и излишне рациональные системы. За примером можно обратиться к бодрийярову анализу коровьего бешенства. Эта вирусная эпидемия поразила многие регионы, показав беспрецедентную взаимосвязь между биологическим, нашими информационными сетями и политическим.

Во-первых, коровы заражаются коровьей губчатой энцефалопатией в результате проникновения гиперреальности в агрокультуру. Добавку прион включают в корма, так что домашний скот предаётся каннибализму, потребляя переработанное мясо своего собственного или близкородственного ему вида. Кроме того, эксперты утверждают, что генетические модификации, близкородственное скрещивание и использование антибиотиков ведут к нарушениям функций иммунитета у животных. Так что белки с недостатком нуклеиновых кислот и потому зависимые от ДНК хозяина становятся спо-

<sup>1</sup> Baudrillard J. Aids: Virulence or Prophylaxis? Trans. Ch. Turner // Screened Out. N.Y.: Verso, 2002. P. 1.

собны вызывать мутации тканей, составляющих нервную систему. В результате элиминации генетического многообразия, т.е., как мы увидим, вследствие избытка тождественности, они становятся уязвимы для вирусных инфекций. Бодрийяр поясняет:

Коровы никогда не сводились к симулякрам... В настоящее время их полностью программируют: гормонами, трансплантатами, генетической модификацией частей тела, рассматривая животных как мясо. Корова уже не та, какой она была когда-то. Это артефакт, своего рода бестелесное мясо, совершающего самоубийственную месть, заражая его пожирателя<sup>1</sup>.

Когда инаковость тела замещается операциональной гиперреальностью, патогенные организмы быстро побеждают его, молниеносно распространяясь от одного организма к другому. Впрочем, дело не в биологическом заражении; коровье бешенство — поистине вирусное явление, поскольку оно заражает все аспекты гиперреальности. По Бодрийяру, «ментальный вирус гораздо опаснее биологического», свидетелями сверхчувствительности к которому мы являемся в случае массового сознания, которое представляет собой размягчение человеческого мозга. Реакцией на него является виртуальный симптом — то самое состояние, которое сопровождало бы настоящую болезнь, индуцированную масс-медиа в отсутствие действительной передачи от особи к особи. Учитывая уменьшение наших способностей к суждениям и виртуальные сетевые связи, болезнь распространяется из биологической сферы в сферу дискурсивную, редуцируя тем самым нашу способность мыслить. Как замечает Бодрийяр, «Коммуникационные сети — огромная вирусная система, распространяющая смертельную опасность. В этой ситуации перманентного достижения критической массы достаточно малейшей искры, чтобы вызывать взрыв коллективной реакции, так же как мельчайшая частица, помещённая в насыщенный раствор вызывает немедленную кристаллизацию»<sup>2</sup>. Как известно, настоящая угроза всегда преувеличивается, рикошетируясь от виртуального мира. Она порождает шарж коллективной ответственности, потому что коллективность разбросана и рассеяна, так что ответственность стирается. «Не имеет смысла приписывать её кому-то в отдельности: коллективное безумие — это пирамидальный синтез конвергирующих эффектов, явление резонанса»<sup>3</sup>. Инфекция быстро поражает политический класс. Импорт/экспорт невозможны, контракты разорваны, глобальные саммиты исправно проводятся, а популяции рогатого скота истребляются.

Эта аллегория показывает фатальные подобию, связывающие все аспекты нашего виртуального мира. «От протеина до коровьего мозга, от этого мозга до наших информационных систем, от этих систем и сетей до автоматического распознавания мнений и губковидного encephalon политического класса *структура одна и та же...*»<sup>4</sup>. Гомогенность — *conditio sine qua non* иммунодефицита, трансмиссии и вирулентности. Сближаясь друг с другом, системы становятся всё более восприимчивы к одним и тем же типам болезней и взаимному заражению. «Инфекция активна не только *в пределах*

<sup>1</sup> Baudrillard J. Ruminations for Spongiform Encephala. Trans. Ch. Turner // Screened Out. N.Y.: Verso, 2002. P. 172.

<sup>2</sup> Ibid. P. 171.

<sup>3</sup> Ibid. P. 173.

<sup>4</sup> Ibid. *Курсив наш.*

той или иной системы, она действует *между* системами»<sup>1</sup>. Это значит не только то, что виральность инкапсулируется в знаки, распространяющиеся как инфекция, но и то, что организационные схемы заражают одна другую. Взгляните на другие вирусы, которые Бодрийяр провокативно приравнивает к коровьему бешенству:

СПИД, терроризм, биржевые кризисы, компьютерные вирусы, природные катастрофы: все эти феномены коррелируют и соответствуют единому протоколу вирулентности. Они совершенно совместимы друг с другом и с банальностью системы. Например, отдельный террористический акт побуждает нас рассматривать политическую сцену в целом в свете терроризма. Так что появление коровьего бешенства — эквивалент террористического акта<sup>2</sup>.

Этот жест не перечёркивает моральные различия между этими явлениями, но выдвигает на первый план их способность провоцировать крупномасштабные ответы всей системы, нарушая взаимосвязь закрытых систем. Терроризм и коровье бешенство дают о себе знать далеко от точки своего начального действия, проникая в саму виральность современной культуры — культуры, абсорбировавшей единые модели трансмиссии, прозрачности и перформативности. Эта аналогия не покажется натянутой, если взглянуть на образную метонимию между этими областями: одни и те же преувеличенные реакции медиа, пугающие визуальные эффекты, напыщенные призывы к бдительности и, как ни парадоксально, увещевания «заниматься своими делами». Когда сообщили о коровьем бешенстве в США, комментатор заверил нас, что бояться нечего, президент Буш по-прежнему ел говядину, а нас поощряли отправиться с семьёй в отпуск. А когда началась борьба с коровьим бешенством, лингвистическое мошенничество возвело быков в ранг противника, так же как террористы были повышены в звании благодаря декларации войны с терроризмом — из преступников в солдаты.

Ответ на угрозу всегда непропорционален подлинной угрозе и подталкивает гипер-рациональную агрокультуру к коллапсу. Эта тенденция к хаосу, впрочем, — лишь видимость, поскольку на деле эти вирусы позволяют системе обновляться. Сами агрокультура и её защита уже виральны. Они заражены бизнес-моделью, которая, несмотря на все её организационные сети, причудливую смесь секретности и гласности и корпоративные рейды, не слишком отличается от моделей и методов международного терроризма. Мы уже не можем сказать, в каком месте причина, а в каком следствие, поскольку вирусная культура совершенно стирает различия между территорией и картой. «Мы можем наблюдать терроризм и на модели СПИДа, компьютерных вирусов или невозможности приобретения контрольного пакета акций: ни одно из этих явлений не имеет приоритета перед другими, здесь нет причины и следствия; это единая констелляция коллюзивных современных явлений»<sup>3</sup>. Эти вирусы само-реплицируются, утрачивая свою тождественность и становясь виральными в ещё более широком смысле. Бодрийяр:

Если СПИД, терроризм, экономический коллапс и электронные вирусы беспокоят не только полицию, медицину, науку и специалистов, но и всё коллективное воображение, так это потому, что это нечто большее, чем простые эпизодические события в ир-

<sup>1</sup> Baudrillard J. The Viral Economy // Screened Out. P. 26. *Курсив автора.*

<sup>2</sup> Baudrillard J. Ruminations for Spongiform Encephala. P. 173.

<sup>3</sup> Baudrillard J. The Viral Economy. P. 28.

рациональном мире. Они воплощают всю логику нашей системы, более того, если можно так выразиться, точки, в которых эта логика зримо кристаллизуется. Их сила — сила иррадиации, а их воздействие посредством медиа на воображение само по себе вирально<sup>1</sup>.

Но, быть может, у этих попыток ассимилировать всю реальность к всеобщей вирусной модели есть предел. Вспомните, как из-за страхов, распространившихся среди представителей праздных классов, Пентагон отменил свои планы по контролированию рынка для предупреждения террористических нападений. Политический Анализ Рынка (РАМ) предназначался для исследования финансовых рынков с целью предсказания событий: как поведут себя инвесторы в случае террористических актов, убийств и конфликтов и кому придётся за это расплачиваться. Министерство обороны объясняло: «Исследования показывают, что рынки — чрезвычайно действенные, эффективные и быстрые накопители дисперсной и даже скрываемой информации»<sup>2</sup>. Программа, несмотря на то, что инвесторам была разослана тысяча приглашений, была свёрнута после того, как выяснилось, что по сути она будет стимулировать насильственные решения. Зараза, распространяющаяся через медиа на публику и правящий класс, в этом случае оказалась недейственной благодаря полному отождествлению национальной безопасности с капиталистической спекуляцией. Всё происходило так, как если бы вирус мог вызвать сопротивление гиперреальности.

## V

В заключение я бы хотел обозначить, в чём мне видится концептуальное преимущество виральных формулировок Бодрийера и объяснить, почему я считаю, что медицинский язык — не просто аллегория, но превосходная стратегия Бодрийера, позволяющая постичь социальное. Прежде всего, это позволяет ему концептуализировать отношения всё более людоедскими выпусками новостей, подкармливающими друг друга организациями и, наконец, их манерой сообщать о себе. К тому же, второстепенные повествования производятся и пролиферируют согласно паттерну, который только и можно описать как вирусный. В силу того, что медиа-капитал структурирует мир, в котором обращения и потоки оптимизированы, медиа-события так или иначе быстро распространяются из точки своего первоначального появления. В границах экономики вирусного это может привести к любому исходу, однако почти всегда ведёт к комбинации дискурсивных сверх-реакций и индуцированной апатии. В некоторых, самых худших случаях виральность ведёт к ускорению крайних и гротескных форм медиатизированного насилия. Если мы серьёзно поразмыслим над попытками в Абу-Граиб и убийствами в Вирджинском политехническом институте, придётся признать верность несколько провокационного заявления Бодрийера о том, что «лучше не находиться в общественном месте, где работает телевидение, в силу высокой вероятности насильственного события, которое оно индуцирует своим присутствием»<sup>3</sup>. Эти события принимают специфическую форму благодаря вирусному потен-

<sup>1</sup> Baudrillard J. Aids: Virulence or Prophylaxis? P. 6.

<sup>2</sup> Цит. по: Hulse C. THREATS AND RESPONSES: PLANS AND CRITICISMS; Pentagon Prepares a Futures Market On Terror Attacks // New York Times. 2003. 29 July.

<sup>3</sup> Бодрийер Ж. Прозрачность зла. С. 112. «Сегодняшнее насилие, насилие, порожаемое гиперсовременностью, - это террор. Симулякр насилия меньше связан со страстями, нежели с экраном: насилие в самой природе образа. Насилие существует потенциально в пустоте экрана, в той дыре, которую экран

циалу современного насилия. Трудно представить себе раздетых заключённых с нижним бельём на голове, пока их фотографии не распространяются. И можно спекулировать по поводу того, что студент колледжа, которого все считали необщительным, совершил свои ужасные действия так, словно бы действовал специально для NBC, транслирующей эту беспрецедентную порнографию насилия. Вот повод поразмыслить о вирусности: то, как мутации современной культуры становятся особенно вирулентными, и то, как присутствия экрана побуждает заполнить его брутальностью. Провокации Бодрийера говорят о том, что нам предстоит ещё проделать долгий путь для понимания связи экрана с насилием. Известно ли вам, что одна из самых популярных категорий на веб-сайтах вроде YouTube — это снятые на телефонную видеокамеру сцены насилия, учиняемого школьниками? Вскользь отмечу, насилие в этих «вирусных видео» порождается присутствием видеокамер и зрителей, подстрекающих участников, чтобы потом переслать запись как ответ на другие подобные видео.

Впридачу к феноменам заражения и преципитации, вирусность побуждает нас мыслить нерепрезентативно. Нерепрезентативность означает способность инфекции распространяться, скрывая своё происхождение, механизмы переноса или конечную цель. Вирусность бросает вызов мышлению, потому что экономические, политические, теоретические и эстетические процессы уже вышли за границы смысла и разворачиваются согласно логике инфекции. Главный пример для Бодрийера — цикл моды, «головная боль социологии и эстетики», необъяснимый традиционными формами мысли. «Мода — неустранимое явление, поскольку она является частью этого бессмысленного, вирусного, незамедлительного способа коммуникации, скорость которого объясняется исключительно отсутствием передачи смысла»<sup>1</sup>. Знаки циркулируют, но они нечитаемы, потому что не участвуют ни в чём похожем на обмен, целиком пожирая контекст, время и стоящие за ними субъективные интенции. Действительно, мода столь изменчива, что её приход и уход следует не предсказуемым законам, а, скорее, «вирусным вторжениям». К несчастью, нерепрезентативность не ограничивается взаимобменом между экономикой и эстетикой, каковой и есть мода, но порождает иные «напасти», обрушивающиеся на социальное, беспокойное и бездействующее. Можно перечислить разновидности бессмысленных феноменов, выделяющихся в медиа-ландшафте и иногда нарушающих дремоту сознания. Безработица, террор, хищничество — обо всех этих вирусах трезвонят выпуски новостей, и эта вирулентность проникает в политический цикл, а затем вступает в латентную стадию. Несмотря на то, что эти феномены нерепрезентативны, в своей зримости и нереальности, не стоит думать, что они остаются без последствий. Но как картографировать пути распространения этих вирусов?

Обратиться к нерепрезентативному в теории для Бодрийера значит бороться с ним. Следовательно, объект теории, даже в условиях вирусной реальности, заключается в том, чтобы «заставить систему довести свою внутреннюю логику до конца... [и] в то же время, полностью перевернуть систему, показав её скрытую бессмысленность...»<sup>2</sup>. Это означает, как мы видели, что вирусолог не просто диагностирует на-

---

открывает в ментальной вселенной. Поистине лучше не находиться в общественном месте, где работает телевидение, в силу высокой вероятности насильственного события, которое оно индуцирует своим присутствием» (Baudrillard J. Disembodied Violence: Hate // Screened Out. P. 95).

<sup>1</sup> Бодрийер Ж. Прозрачность зла. С. 103.

<sup>2</sup> Baudrillard J. Impossible Exchange. P. 149.

пасти, поразившие современную культуру, но вмешивается своим актом письма, осложняющим тождества, являющиеся ответом на вирус. Это поколение антител и есть то, что зовётся мышлением. Когда его практикуют анти-систематически, оно называется теорией. По Бодрийяру, «этот жест, который является и чистой дескрипцией системы в терминах реальности, и радикальной прескрипцией той же системы, показывает, что она исключает реальность и, в конце концов, не значит ничего»<sup>1</sup>. Мода становится немодной, непрестижной, т.е. возвращается в небытие ещё более модным теоретиком.

Такой анализ, который является сразу и дескрипцией, и прескрипцией, даёт решающее стратегическое преимущество, расположение которого в виральных формулировках Бодрийяра я хотел бы обозначить. Как мы видели, мысль Бодрийяра при определённых условиях конституирует точку обращения. При условии, что она имеет ещё более разрушительную природу, чем сама система, это вторжение на уровне письма может пресечь спокойное функционирование гиперреальности. Само по себе это уже разновидность этики, понимаемой в самом строгом этимологическом значении этого термина, которая, как мы видели, несёт с собой «требование обращения». Будучи попыткой избежать ловушек нормативной этической позиции, эта инвокация медицинской терминологии неизбежно вызывает давний образ философа как врача-души, вопрошание которого — провокация, адресованная социальному организму. Вирусность позволяет Бодрийяру с учётом последующих мутаций культуры вывести этот императив на более высокий уровень. Сама модель вирусности показательна как стратегический выбор. Она позволяет ему ввести аналитическую сетку, посредством которой можно диагностировать культурные патологии, что весьма характерно для мысли, полагающей себя как терапевтическая. Медицинские концептуализации Бодрийяра сами по себе уже есть способ переворачивания того способа, каким мы понимаем свои задачи. Это уровень «непрямой этики», пересекающий всё творчество Бодрийяра: сама постановка вопроса представляет собой выбор, разрыв с предопределёнными моделями гиперреальности.

В этой вирусной инфлексии вопросов, впрочем, присутствует с(т)имуляция воображения, даже если чаще всего она проявляется в гневе, обрушивающемся на самого Бодрийяра. Сложный механизм, движущий его творчество, работает против готовых к употреблению постулатов о традиционных обязанностях интеллектуала и устаревших форм исследования, открывая область, вовлекающую читателя в повседневную виральность. Возьмите хотя бы его поначалу шокирующее заявление о том, что вирус СПИДа желанен человеческому роду как средство оградить себя от тотального сексуального промискуитета. «Мы живем, основываясь, по крайней мере, на двух принципах: на принципе сексуальной свободы и на принципе коммуникации и информации. Все происходит так, как если бы общество само посредством угрозы СПИДа производило противоядие против своего же принципа сексуальной свободы...»<sup>2</sup>. Это один из моментов, вызывающих особенную ярость его критиков; при этом, однако, Бодрийяр привлекает наше внимание к этическим проблемам ВИЧ-СПИД. Утверждая, что в некотором смысле мы должны желать этих вирусных напастей — эпидемического распространения терроризма, рака, крэка и кокаина, — Бодрийяр показывает политико-спектаклярный характер этих явлений. Таким образом,

---

<sup>1</sup> Ibid.

<sup>2</sup> Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. С. 97

его вопрос о том, не желаем ли мы сами эти вирусы, побуждает западное общество признать свою собственную причастность к вирусности и неспособность сопротивляться инфекции. Чтобы утверждать, как он, что сама система нуждается в этих болезнях, чтобы оптимизировать собственное функционирование, нужно осудить общество, которое списывает миллионы как свою био-политическую проклятую долю.

Это никоим образом не делает Бодрийяра моралистом. В конце концов, сам он предупреждал нас о ловушке, в которую попадает тот, кто критикует гиперрациональную систему от имени морали. «Всё, чего требует от нас капитал, — это принять его как рациональный или бороться с ним во имя рациональности, принять его как моральный и бороться с ним во имя морали»<sup>1</sup>. Скорее, следует понять, что даже после того как реальность вошла в вирусную стадию, остаётся возможность ввести в неё антитела, которые осуждают/ниспровергают её как самые вирулентные формы. Что такое творчество Бодрийяра, как не утверждение того, что, вопреки очевидности, всё ещё можно мыслить? Что такое его исследования, как не попытка сделать наше этическое и политическое понимание более сложным? Во времена, когда так называемая критическая мысль дрейфует в сторону абсолютистской модели, которая сама заражена дискурсом подавления, власти и подчинения, развиваемым правыми, боюсь, что мы пропустим его предостережения.

*Перевод с английского А.В. Дьякова*

---

<sup>1</sup> Baudrillard J. Simulacra and Simulations. P. 173.